

Под сильным влиянием изысканной культуры Срединной равнины в Японии сложился строжайший регламент, касающийся одежды, архитектуры и уклада жизни. Законы детально определяли, какому сословию дозволено носить те или иные ткани, каков должен быть размер и вид жилища и даже какие повозки использовать для выезда.

Но, как известно, в мире, где бесчинствовали демоны, онмёдзи — единственная сила, способная противостоять порождениям тьмы, — обладали исключительной привилегией, вызывавшей зависть у простых людей. Они могли носить любое платье, и это никогда не считалось нарушением императорского указа.

На занятиях по управлению духовной силой наставник, желая познакомить учеников с различными школами онмёдо, показывал им старинные свитки с изображениями знаменитых мастеров прошлого. Наряды некоторых заклинателей выглядели невероятно причудливо, если не сказать нелепо.

В глазах Кэна Фурукавы все эти диковинные заклинатели делились на три типа. Первые подчинялись уставу своих тайных школ и клановым табу; вторые носили грубые шкуры просто из-за упадка ремесел; третьи же щеголяли в безумных нарядах исключительно из-за извращенного вкуса.

Однако Асия Доман в его глазах представлял собой редчайшую четвертую категорию — политического слепца. И дело было даже не в притупленном чутье, а в абсолютном, девственном отсутствии понимания придворной жизни.

От других учеников Кэн разузнал, что разработанное Доманом облачение для его последователей было не просто отличительным знаком школы, но и выдающейся защитной ритуальной одеждой. И все же это не отменяло того, что их учитель упрямо играл с огнем.

Сам Асия Доман, впрочем, тоже был раздосадован. Будучи мастером Воды и Земли, он выбрал для одежды учеников желтый цвет, символизирующий земную стихию. Но когда поверх ткани вышили узоры защитных заклинаний, наряд стал настолько уродливым, что никакой дурной вкус не мог служить оправданием. С учениками-мужчинами ладно, можно было смириться, но у Домана подрастали две дочери, прилежно изучавшие искусство онмёдо. Стоило примерить эту одежду на девочек — и наступал полный крах. Смотреть на это без боли было невозможно.

Тогда он решительно сменил оттенок на ярко-желтый, солнечный, и добавил к нему контрастное темное исподнее платье.

В итоге император, лишь единожды приняв его старшего ученика Докэя, больше ни разу не пожелал видеть воспитанников Домана у себя во дворце.

А вот Абэ-но Сэймэй неизменно носил простое белое каригину, да и Камо-но Ясунори

облачался либо в чиновничий наряд, либо в скромные каригину черного и белого цветов. Ни тот, ни другой никогда не позволяли себе и тени пренебрежения к придворным уложениям, и их ученики строго следовали этому примеру.

Кэн обо всех этих придворных интригах не ведал. Сейчас он находился в самом эпицентре личного ада, пытаясь подчинить себе духовную силу.

Рэйрёку рождается в самой человеческой душе, в ней — корень искусства онмёдо. По природе своей эта энергия тяготеет к темному началу Инь, но способы ее проявления не поддаются счету. Изгнание нечисти, ускорение роста трав, исцеление плоти — на пике мастерства онмёдзи способны повернуть вспять колесо жизни и смерти, перешагнув границу миров. Впрочем, поговаривали, что такой вершины достиг один лишь господин Сэймэй.

Духовная сила — это чистая энергия души. Прежние попытки Кэна гонять ее по меридианам тела, подобно ци в боевых искусствах, оказались абсолютно бесполезными. Разве что здоровье укрепилось.

Но чтобы управлять рэйрёку столь же легко, как собственной рукой, требовались изнурительные тренировки. Метод работы на износ оказался на удивление действенным: опустошив запасы до дна, Кэн восстанавливал их глубокой медитацией, с каждым разом расширяя внутренний резерв.

Кроме медитаций в прохладном подземном зале, ученикам добавили уроки каллиграфии офуда. Чтобы создать работающий талисман, нужно было не просто безупречно начертить сложный узор, но и без малейшей заминки влить в него поток рэйрёку. Любая ошибка — и бумага мгновенно теряла силу. Здесь требовалась безукоризненная точность.

Освоив офуда, Кэн заметил, что прохождение залов митама в его игровой системе пошло куда бодрее. Первый ярус он зачистил несколько раз подряд, собрав для своих шикигами шесть комплектов однозвездочных душ класса «Хифу». Но его беспокоило то, что даже спустя месяц после Нового года второй ярус оставался заблокированным.

Кэн всерьез подозревал, что структура игрового подземелья привязана к реальному миру. Новые этажи открывались только после встреч с демонами наяву.

Слабый древесный дух-плющ, поверженный им в самом начале, стал стражем первого этажа. А вот речная тварь, пытавшаяся утащить его на дно, явно превосходила его нынешние силы — оттого второй ярус и был закрыт.

Надо признать, такая осторожность системы обеспечивала ему надежную защиту. Эта программа, вечно напоминавшая о донатах, казалась подозрительной, но благодаря ее ограничениям Кэн всегда точно знал предел своих возможностей и не лез на рожон.

«Впрочем, я и сам не собирался лезть на рожон при первой же встрече с нечистью».

Но теория без дела мертва: онмёдзи, не умеющий изгонять нечисть на практике, бесполезен. Спустя два месяца тренировок, едва Кэн научился базовым техникам и созданию офуда, наставники отправили его на первое настоящее задание.

Молодой послушник по имени Дотин с любопытством смотрел на приближающегося Кэна, за плечами которого покачивался скромный дорожный узел. Дотин погладил гладко выбритую макушку и без тени злобы спросил:

— Так это ты тот парень, которого прислали помочь нам с осмотром усадьбы?

— Да. Вы ведь господин Дотин? — Кэн немного расслабился.

Столкнуться на первом задании с учениками Асии Домана было большой удачей. Он так обрадовался этому, что даже не задумался, о какой усадьбе идет речь.

— Он самый, — Дотин поправил шапку-эбоси и посерьезнел. — Раз уж Онмё-рё прислала тебя к нам, держись рядом. Но учти, наше дело — это тебе не мелкого беса прихлопнуть.

— Полно тебе, Дотин, не пугай новичка раньше времени, — раздался неподалеку ленивый, тягучий голос Дорё.

В отличие от их прошлой встречи, сейчас на его шее висела связка офуда, а в руках он держал складной веер-сэндзу.

— Не виделись всего полгода, Кэн-кун, а ты уже так окреп в своей силе. Поразительный талант.

— Ого! Выходит на задания всего после полугода учебы? А ты хорош! — искренне удивился Дотин.

Сам он происходил из знатной семьи онмёдзи и с ранних лет участвовал в ритуалах очищения. Правда, великим даром обделен, и под крыло Домана его взяли лишь пару лет назад.

Кэн не знал этих подробностей, а вот Дорё прекрасно все понимал. Он примирительно похлопал младшего соученика по плечу:

— Довольно хвастаться. — Он вздохнул и, вновь взглянув на Кэна, слегка нахмурился: — Послушай, Кэн-кун, ведь у тебя до сих пор нет личного наставника среди мастеров?

— Да, я все еще прохожу общую подготовку, — поспешно подтвердил Кэн.

— В таком случае тебе лучше отказаться от этого похода, — мягко, но настойчиво произнес Дорё. — Наша цель слишком опасна. Даже мы не уверены, что сможем вернуться невредимыми. Я сам поговорю с твоим куратором из палаты онмёдзи, чтобы тебе заменили практику.

— Вот как? Неужели там все настолько скверно? — прежде чем Кэн успел вставить слово, испуганно спросил Дотин.

— Дотин, эти стены поглотили уже больше десятка наших собратьев, — послышался со стороны крыльца усталый женский голос.

К ним подошла Сакуя. Она грустно вздохнула и продолжила:

— С самого Нового года — вернее, даже с предпраздничных дней — ни один человек, переступивший порог этой усадьбы, не вернулся обратно. Все это длится уже три долгих месяца.

— Как?! — Дотин заметно вздрогнул, но тут же упрямо вскинул голову. — И что с того, Сакуя? Мы ведь ученики великого господина Асии Домана!

— Дотин прав, — раздался спокойный голос Докэя, который шел следом за Сакуей.

Он мягко улыбнулся и перевел взгляд на Кэна:

— Не тревожьтесь. Если возникнет опасность, я лично защищу этого юношу.

От этих слов Кэн инстинктивно содрогнулся. По его спине пробежал внезапный холодок дурного предчувствия. Он с затаенной тревогой покосился на Дорё. Тот, судя по всему, тоже не ожидал от старшего соученика подобного легкомыслия, но спорить не решился и лишь покорно кивнул.

— Раз старший брат берет на себя такую ответственность... Что ж, Кэн-кун, иди с нами. Но помни: ни на шаг не отходи от Дотина. Потеряешься — пиши пропало.

— Хорошо, — Кэн выдавил из себя слабую улыбку.

«Знаете что, пожалуй, я лучше останусь здесь!»

Но отказаться теперь, когда решение было принято старшими учениками школы Домана,

значило проявить трусость. Кэн бросил короткий взгляд на преиспоненного гордости Дотина и молча кивнул в знак согласия.

<http://bllate.org/book/18244/1748179>